

Актуальность разработки данной темы мы видим в более глубоком раскрытии исторического процесса становления антропологии религии. С одной стороны, любая концепция/гипотеза имеет определенные условия, теоретические предпосылки своего возникновения, с другой — имеются многочисленные факты, зафиксированные в полевых исследованиях. На наш взгляд, процесс развития антропологии состоит в дополняющем друг друга использовании обоих уровней исследования, в осознании необходимости постоянной проверки («фальсификации») имеющихся понятий, концепций и анализа предпосылок их возникновения.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В НАРОДНОМ ЛАТВИЙСКОМ ХРИСТИАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СКУЛЬПТУРНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ЭРИКА ДЕЛПЕРА

Э. Тайване
(Рига, Латвия)

Повышенный интерес к человеку в наши дни обнаруживают практически все области гуманитарных и общественных наук. С. С. Хоружий отмечает, что раньше внимание науки было приковано к макропроцессам, интерес к отдельно взятому человеку, в свою очередь, занимал последнее место в иерархической лестнице научных приоритетов¹. Сейчас происходит перемещение акцентов, когда интерес к человеку подчиняет себе прочие объекты исследования. Оно и получило в науке название *антропологического поворота*.

Научный интерес к человеку — вовсе не теоретического характера. Антропологический поворот служит сугубо практическим целям. Так в богословии его задача — переложить основные богословские понятия на язык, понятный для современного человека, с целью обновить христианскую традицию, вдохнуть в нее жизнь. Подоплека такой надобности — кризис, упадок христианских идей и символов на Западе.

Хотя многие говорят о необходимости антропологического поворота в богословии, мало кто на Западе предпринимает конкретные попытки его осуществления. С. С. Хоружий, указывая на это, предлагает свой антропологиче-

---

¹ «Судьба Адама и судьба Ивана (Разговор с Сергеем Шаповалом 19 февраля 2005 г.)» // С. С. Хоружий *Очерки синергийной антропологии*. — М. : Институт синергийной антропологии : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. — С. 165–166.

ский проект. Он называет его «синергийной антропологией», путем которой исследователь пытается не только перевести на язык современности категории исихазма. Он предлагает свою модель человека как универсальную для всех гуманитарных наук и рассматривает даже присутствие этой модели в физике².

Наши претензии куда более скромны. Как подметил Мирча Элиаде, человек — существо религиозное и тем самым совершенно не свободное от религиозных притязаний где-либо и когда-либо. Поэтому в случае устаревания религиозной символики религиозный инстинкт как будто бы вырывается из старой оболочки и ищет новые формы воплощения. Если поиск новых форм происходит в пределах христианской традиции, то на помощь приходят богословы, которые пытаются антропологизировать христианское учение и практику. Однако за весьма частым неимением упомянутого руководства со стороны профессиональных богословов религиозное чувство простых людей находит пути реализации самостоятельно, стихийным путем. Этот процесс, с точки зрения доктринальной, весьма небыстротечен, но интересно здесь то, что религиозный поиск такого рода идет путем спонтанной антропологизации упомянутых богословских идей.

Поиск новых форм может осуществиться и вне христианства. Примером могут стать представители сознания Кришны, *йоги* в любой манифестации, *фен-шуй* и *цигун*, т. к. все эти движения придают важное значение человеку. В христианстве также обнаруживается повышенный интерес к теме человека — харизматические движения находятся в поиске живого опыта, Христианская медитация апеллирует к глубинам человеческого сознания и тем самым к опыту. В обычной Римско-католической среде все чаще обнаруживают себя попытки священнослужителей обеспечить и верующих обрести непосредственный и даже физический контакт с Божеством (укоренившийся во всей Европе вынос престола к народу и служение Мессы лицом к народу, новая форма благословения непричащающихся у алтаря во время Причастия, поднятие прихожанами ладоней вверх и получение благодати как бы в руки во время Мессы при чтении *Отче наш*).

Феномен так называемой горы Христа Царя, скульптурного парка в восточной части Латгалии близ знаменитой Аглоны, является ярчайшим примером спонтанно осуществленного антропологического поворота в христианской ортодоксии и ортопраксисе. Автор скульптур Эрик Делпер далек от реалий академического богословия. Он — бывший летчик, ныне скульптор и создатель литературных произведений, в народе почитается визионером и целителем. Вокруг Делпера образовался приход, члены которого съезжаются регулярно на богослужения и субботники на горе Христа Царя, почитаемой,

---

² Этой теме посвящен в предыдущей ссылке упомянутый сборник статей и выступлений С. С. Хоружего *Очерки синергийной антропологии*.

в свою очередь, садом Божиим. Кроме того, парк является популярным местом, посещаемым туристами не в меньшей мере, чем сама Аглона с ее чудотворной иконой Божьей Матери или Крестовая гора в Литве.

Феномен горы Христа Царя интересен как воплощение модифицированных анимистических верований. Однако христианский компонент здесь проявляет себя куда ярче. Особо интересна тема антропологизации христианских идей, манифестация которых явлена визуально в скульптурах. На идейном уровне она подкрепляется литературным творчеством скульптора, которое в интерпретации упомянутых скульптурных образов позволяет расставить все точки над *и*.

Но сперва предоставим общие сведения о горе Христа Царя. Парк с вырытыми прудами, посаженными культурными растениями, а главное — с установленными там бесчестными деревянными скульптурами в стиле наивизма, является проектом, реализация которого началась в 2006 г. на земле и за средства землевладельца Яниса Ступана. По задумке авторов Ступана и Делпера адресат проекта — христиане независимо от их конфессиональной принадлежности.

Парк, частенько именуемый «садом Божиим» (лат. *Dieva dārzs*), имеет два смысловых маршрута, ведущих к центральной зоне, непосредственно пригорку, имеющему статус Царствия Небесного, этакому *axis mundi*, где установлена огромная скульптура *Христа Победителя*, изготовленная из ствола дуба, а также находящиеся у ее подножия *Длани Божию*.

Первый смысловой маршрут начинается в отдаленной зоне парка, обозначенной как *Эдемский сад*. Здесь установлена фигура Адама и Евы, а также их детей. В нескольких шагах от скульптурной композиции имеется развилка, наглядно предлагающая два пути: тот, который ведет к спасению у подножия Христа Победителя, каменистый и неудобный для ходьбы, и другой, выложенный плиткой и ведущий в геенну огненную. Последнюю символизирует обнаженная грешница на берегу пруда. Там, собственно, и заканчивается выложенная брусчаткой широкая стезя в то время, как узкий путь уводит посетителя далеко вверх по склону холма, проходящего мимо Ноева ковчега, деревянных фигур ветхозаветных пророков и огромного креста, который несут двенадцать колен Израилевых.

Второй идейный маршрут тоже ведет к подножию Христа Победителя, но начинается он в перпендикулярно расположенной зоне на берегу Аглонского озера. И если первый маршрут как будто отображает судьбы избранного народа, начиная с грехопадения, то второй символизирует личный путь каждого человека. Он начинается у огромного деревянного креста и ведет в гору мимо тернового венца и всевидящего ока Божия, столба, символизирующего Дух Святой и сквозь своеобразный крест, напоминающий ворота *тори*, которые принято устанавливать в Японии на подступах к синтоист-

ским храмам. Далее дорога уводит путешественника к металлической арке, символизирующей врата Царствия Божия.

Кроме упомянутых маршрутов и смыслового центра парка на его территории несколько в стороне расположена недавно выстроенная деревянная церквушка, которая и вовсе не претендует на роль *axis mundi* в саду Божиим. Здание храма обычно закрыто для посетителей и не подразумевает свершение в ней литургического священнодействия.

На территории парка расположено и большое количество деревянных скульптур, локализация которых не имеет особого значения. Это эсхатологически окрашенная группа ангелов, находящаяся вблизи фигуры Христа Царя, Богородичная статуя, новозаветные персонажи, большой вертеп недалеко от церкви и, конечно же, несчетные ангелы и деревянные богомольцы.

Что касается принципа антропологизации, то сначала рассмотрим приемы, позволяющие приблизить христианские реалии к простому человеку, и только потом непосредственно антропологию Э. Делпера. Во-первых, сад Божий позволяет посетителю пережить библейские реалии интимно в непосредственной их близости, и здесь немалое значение играет зрительный и тактильный контакт с персонажами Ветхого и Нового Завета. Ступая по узкой каменистой тропе, ведущей из Эдема в Царствие Божие, посетитель сада невольно идентифицирует себя с Адамом и Евой. У него есть возможность идти стезями избранного народа и лицезреть ветхозаветных пророков. Для богомольцев скульптуры становятся воплощением сакральной реальности.

Физически и совершенно интимно ощутить контакт с Богом можно у подножия скульптуры Христа Победителя, посидев на дланях Божиих: «Усевшись на длани Бога, можно почувствовать, что Он невидимо несет нас на руках и никогда не забывает о своих чадах»³.

Особый интерес и трепет вызывает у посетителей композиция *Крест и двенадцать колен Израилевых*. На прямой вопрос о значении образа Эрика Делпера не дает исчерпывающего ответа, ссылаясь на хорошо известную идею крестоношения⁴. Однако каким образом понять сочетание ветхозаветных реалий с образом креста, обозначившим совсем иной виток в истории Откровения? Дело в том, что в образе двенадцати колен Израилевых нам, посетителям сада, следует распознать самих себя. Этот интригующий образ разъяснен в книге Эрика Делпера «*Золотые семена*», где вниманию читателя предоставляется новое повествование о творении.

Речь идет о некоей идее предсуществования духа каждого человека в мире Бога, которому последует воплощение человеческого духа в Богом сотворенном материальном Эдеме на планете Земля. Самое интересное здесь

---

³ Sast. Ēriks Delpers, *Kristus Karaļa kalns*. — Karaļa Kalna Fonds, 2012. — 37. lpp.

⁴ Беседа с Эриком Делпером на горе Христа Царя 1 мая 2012 г.

то, что по сути это не отстраненный рассказ о нашем первопредке Адаме. Свою концепцию предсуществования духа Делпер сочетает с идеей перерождения, т. е. у каждого из нас есть начало в Эдеме. Вместе с тем, знакомясь с историей жизни человека в Царствии Божием до воплощения, мы узнаем о своем, сугубо личном, пути. Это значит, что Господь в одночасье сотворил всех представителей человеческой расы и имя им *Двенадцать колен Израилевых*⁵. Они сперва пребывали в бесплотном состоянии. Потом последовало воплощение их в Эдеме и низвержение их в юдоль плача⁶. Именно в свете такого скульптором произведенного антропологического поворота надо понимать композицию *Крест и двенадцать колен Израилевых*. Здесь с принципом приближения христианских реалий к человеку сопряжено и новое учение о человеке.

Что же касается низвержения человека в юдоль плача, то происходит это по Божественному произволению, а не по причине первородного греха. Господь сам «сотворил грех, чтоб человек, вкусив греховное, познал жизнь без греха»⁷. Строго говоря, учение о первородном грехе в богословской системе Делпера заменено идеей судьбы или «судьбы крестной»⁸, налагаемой Богом. Такая подмена понятий, очевидно, связана с оскудением понимания христианами идеи грехопадения, с одной стороны, и доминированием традиционного латышского представления о судьбе — с другой.

Но вернемся к библейским образам на горе Христа Царя. Чувство живительного прикосновения к библейской реальности усиливается тем, что в соответствии с традиционными латышскими анимистическими верованиями мир потусторонний находится в одной, т. е. горизонтальной, плоскости с миром посюсторонним. Эти представления особенно живучи в латышской среде и являются, пожалуй, темой другого исследования. Однако именно этот фактор является причиной того, что гора Христа Царя для ее почитателей есть реальный сад Божий, некий сакральный локус на земле⁹.

Без сомнения вжиться в образ исконного обитателя сада Божиего помогает и второй маршрут, ведущий к скульптуре Христа Победителя. Он призван символическим и буквальным образом изобразить стези подвизающегося. Так крест, с которого начинается маршрут, значит наше индивидуальное крестоношение. Терновый венец — значит то же. Всевидящее

---

⁵ Ēriks Delpers, *Zelta gaudi*. — Rīga : Sol Vita, 2001. — 46. lpp.

⁶ Ibid., 13. — 117. lpp.

⁷ Ēriks Delpers, *Atklāsme*. — Rīga : Sol Vita, 1999. — 171. lpp.

⁸ Ibid., 236., 189. lpp.

⁹ Показательно, например, такое свидетельство частого посетителя парка: «Как сяду на лавку на горе Христа Царя, ощущаю себя в Раю, где Бог так близко и где Его присутствие ощутимо повсюду: в скульптурах, небе, закате, озере, горе, цветах, буквально во всем». (Sast. Ēriks Delpers, *Kristus Karaļa kalns*, 63. lpp.).

око Господа напоминает о том, что ни одно наше деяние не бывает скрыто. Столб, изображающий Святой Дух, свидетельствует о Божием всемогении. Арочный крест, сквозь который проходит путь к центральной скульптуре, не понимается в традиционно-христианском смысле. По словам самого Делпера, он наделяет человека изрядной долей положительной энергии. Между прочим энергией якобы наделены и другие скульптурные произведения, что возвращает нас к реалиям модифицированного латышского анимизма.

Непосредственно теме человека в саду посвящены композиции под названием «*Грешник*», «*Богомолец*», «*Руки, сложенные в молитве*», «*Дух человека*», «*Воскресение*» и др. Особого внимания требует скульптура *Иисус в сердце* по причине реинтерпретации привычного для Римско-католического мира иконографического образа Сердца Иисусова. Если традиционно его отображают в области груди Спасителя, то Эрик Делпер переместил акценты с божественной реальности на человеческую. Теперь Иисус пребывает в человеческом сердце, а не наоборот. И хотя сама идея присутствия Бога в нас не нова, иконографическое новшество подчеркивает реалии интраверсии сознания и собственно антропологическую тему.

Перейдем к непосредственно новому учению о человеке. Во-первых, интересно то, что Делпер неосознанно уделяет теме человека изрядное внимание и тем самым приобретает популярность своему начинанию. Во-вторых, предложенная антропология, будучи достаточно примитивным смешением христианских, языческих и тантрических идей, не интересна для богословов и религиоведов сама по себе, но лишь как некое мерило, позволяющее определить те традиционно-христианские концепции, которые стали малопонятными для современных представителей западной культуры.

Э. Делпер предлагает трихотомическую антропологию, т. е. человек состоит из тела, души и духа. Однако за видимостью традиционного строения человека скрываются южно-азиатские концепции. Если в христианстве дух — высшая ипостась души, то, по мнению Делпера, дух, представленный в человеке неким сердечным кристаллом, образ которого вполне мог быть заимствован из тантрического буддизма, скрыт душою как оболочкой. Душа же, приравниваемая к астральному телу, является своеобразным ловителем греха и соединителем духа и тела. Будучи пронизанной грехом, душа замутняется и не пропускает свет, который излучает сердечный кристалл. Свет же должен пронизать не только душу, но и тело, являющееся внешней оболочкой духа.

Э. Делпер не чурается таких тантрических представлений о человеке, как чакры, ауры, биополе, и даже под личиной почившего на человеке Святого Духа завуалированная идея *кундалини*. Очевидно, Делпер не желал связать свою антропологию с тантрическими представлениями о спасительной

функции алмазного или тонкого тела, которое, являясь тантрической параллелью христианской идеи спасительного Тела Христова, необходимо должно было бы вытеснить последнюю.

Как бы там ни было, но именно это и происходит, т.к. идея Тела Христова в учении Делпера отсутствует, будучи заменена Духом Христовым. Нет в нем и традиционного понимания телесного воскресения. Судя по всему для того, чтобы скрыть отсутствие идеи воскресения плоти, говорится просто о воскресении, а титула *тела* удостоивается человеческий дух. Его Э. Делпер называет «небесным телом»¹⁰, которое и воскресает.

Вышеупомянутые приемы по антропологизации традиционных христианских ортодоксии и ортопраксиса дают возможность заключить, что антропологический поворот Э. Делпера высвечивает проблемные и требующие экспертного переложения на язык антропологии христианские концепции, такие как первородный грех, Воплощение, Искупление, Причащение Тела и Крови Господа Иисуса Христа, Воскресения плоти и др.

---

¹⁰ Ēriks Delpers, *Atklāsmē*, 182. lpp.; Ēriks Delpers, *Zelta gaudi*. – 139. lpp.